

следует двигаться, пользуясь разными средствами. К первому мы идем с помощью изучения философии, если мы ей следуем, упорядочивая наши поступки согласно моральным и интеллектуальным добродетелям; ко второму мы идем через духовные наставления, которые трансцендируют человеческий разум, если мы им следуем, упорядочивая наши поступки согласно теологическим добродетелям, то есть вере, надежде и любви. Таким образом, с одной стороны, мы видим счастье земной жизни, такое, какого можно достичь средствами естественного разума, полностью раскрытого для нас в трудах философов (*quae per philosophos tota nobis apparuit*); с другой стороны — счастье будущей жизни, которого можно достичь, следуя наставлениям Иисуса Христа. Чтобы вести человека к этим двум различным целям с помощью двух разных средств, нужны два разных учителя, а именно: «Верховный Понтифик, дабы вести человеческий род к вечной жизни с помощью Откровения, и импе-

Глава VIII. Философия в XIII веке

438

ратор, дабы направлять человеческий род к мирскому счастью в соответствии с учениями философов». Так же, как эти цели и средства — последние, каждый в своем порядке вещей, так и эти две власти — последние и высшие в своем порядке. Выше той и другой — только Бог, который один избирает императора, один наставляет его и один может его судить. Верно, папа — духовный отец всех верующих, включая императора. Поэтому последний обязан папе почтением, которым сын обязан отцу, но, однако, не от папы, а непосредственно от самого Бога получает император свою власть. Таким образом, «Монархия» Данте постулирует мир, управляемый в светских делах одним императором, а в духовных — одним папой, то есть мир, в котором наличествует согласие под верховным владычеством Бога двух поставленных на один уровень универсализмов.

Как это характерно для всех тезисов относительно указанной проблемы, и смысл тезиса Данте может быть изменен почти на противоположный. Ведь он устанавливает две строго различные исходные точки: политически мир должен быть подчинен одному императору, а император политически независим от папы. Можно сохранить в неприкосновенности первое утверждение и коренным образом изменить смысл второго. Почему бы не подчинить единственного императора папе? Такой тезис в неявном виде высказал Энгельберт, избранный в 1297 г. аббатом Адмонта*, в трактате «О происхождении и падении Римской империи» («*De ortu et fine Romani imperii*»). Для него, как и для Данте, «все королевства и все короли одной империи подчинены одному христианскому императору»; только вот основой этой всемирной империи оказывается «единство Церкви и всей христианской республики». В этом случае два вида счастья (*felicitates*) человека не могут быть поставлены рядом, на одном уровне, они вступают в иерархические отношения, и это происходит в интересах империи, более того — яв-

ляется условием ее существования. Поскольку невозможно создать единую империю, которая была бы населена язычниками, иудеями и христианами, то всемирная, универсальная империя невозможна без универсального христианства. Однако Энгельберт из Адмонта останавливается на этой позиции, не выводя из нее, по крайней мере в этом трактате, необходимости подчинения императора папе. Но предлагаемая им интеграция империи в христианский мир оставляет только два возможных решения: либо всемирный император становится верховным главой христианского мира, либо над империей господствует духовный глава христианского мира; а так как он желает единой империи исключительно ради «согласия между королевствами, упрочения мира, защиты и распространения христианства», его собственный выбор не оставляет сомнений. Впрочем,